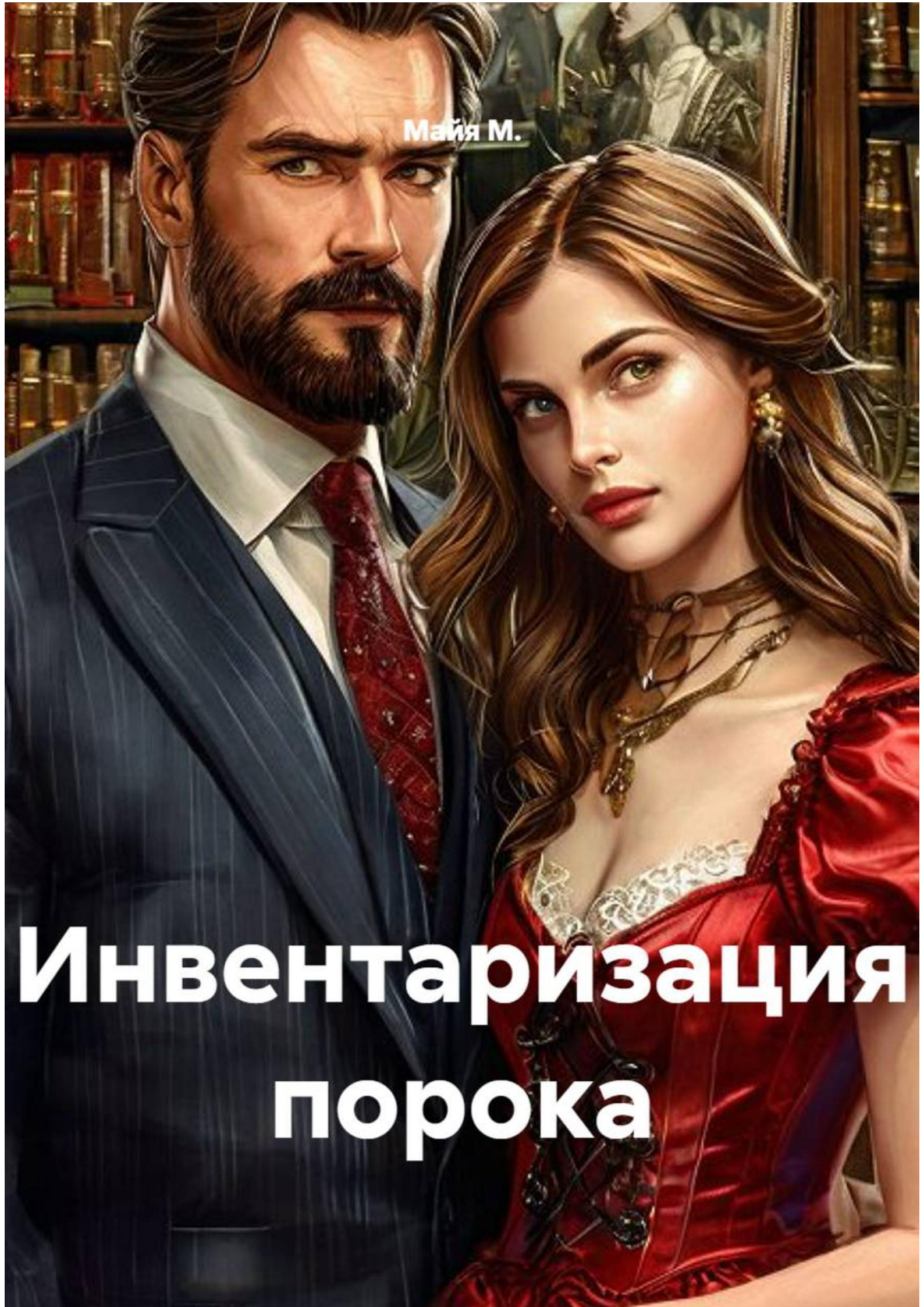

Майя М.

Инвентаризация порока

Майя М.

Инвентаризация порока

«Автор»

2026

М. М.

Инвентаризация порока / М. М. — «Автор», 2026

Молодой аудитор Алиса Прохорова принимает приглашение в закрытый клуб «старых денег», чтобы найти следы отмыwania капитала. Хозяин клуба, обаятельный и безжалостный Лев Вершинин, предлагает ей опасное пари: либо она найдёт компромат, либо станет его игрушкой. В мире роскоши и порока Алиса встречает Марка, человека, который, как и она, ведёт двойную игру. Вместе они должны разыграть страсть, чтобы выжить. Но чем дальше заходит их обман, тем сложнее отличить игру от настоящего чувства. Роман о власти, деньгах и любви, рождающейся на краю гибели.

© М. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Точка невозврата	5
Глава 2. Гости и тени	13
Глава 3. Утро после сделки	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Майя М.

Инвентаризация порока

Глава 1. Точка невозврата

Дождь барабанил по куполу чёрного зонта, словно пытался достучаться до совести города, давно утратившего это рудиментарное чувство. Алиса стояла на тротуаре напротив особняка, который на всех картах города значился как частная резиденция без названия, и курила тонкую сигарету, пряча огонёк в ладони. Табачный дым смешивался с сырым воздухом, оседал на языке горьковатым привкусом. Она не курила уже два года, бросила в тот самый день, когда получила диплом с отличием и поклялась себе, что её жизнь будет подчинена только одному виду зависимости — точности. Но сейчас пальцы сами вытащили из пачки сигарету, а зажигалка щёлкнула с каким-то обречённым удовлетворением.

Особняк смотрел на неё тремя рядами тёмных окон. Свет горел только на первом этаже — приглушённый, желтоватый, словно за стёклами горели свечи, а не электрические лампы. Фасад из серого гранита, портик с массивными колоннами, лепнина в виде виноградных лоз, обвивающих каменные капители. Всё это выглядело так, будто было построено не в прошлом веке, а перенесено сюда напрямик из петербургских снов о величии, застывших в камне и отчуждении.

Алиса выбросила окурок в урну, поправила воротник пальто — строгого, тёмно-синего, купленного три года назад на последние деньги с расчётом на то, что хорошая вещь окупится сторицей. Она знала, как выглядит: слишком собранная для женщины, которая пришла сюда якобы по приглашению, слишком напряжённая для гостыи, слишком внимательная для случайной посетительницы. Её выдавали глаза — серые, холодные, с той особой цепкостью, которая свойственна либо следователям, либо аудиторам. Собственно, она и была аудитором. Лучшей в своём отделе, самой дотошной, самой принципиальной. Той, кому поручали дела, от которых отказывались другие.

Дело «Клуба избранных» — так она мысленно называла эту организацию, хотя официально у него не было даже названия — попало к ней на стол три месяца назад. Тонкая папка с грифом «внутреннее расследование», несколько фотографий, сделанных длиннофокусным объективом, распечатки банковских транзакций, обведённые красным маркером цепочки оффшорных переводов. Ничего прямого, ничего явного. Только косвенные улики, догадки, совпадения, которые по отдельности не значили ничего, а вместе складывались в картину, от которой у Алисы холодели пальцы.

Через этот особняк проходили деньги. Огромные деньги. Они втекали в него под видом благотворительных взносов, членских платежей, спонсорских пожертвований на культурные проекты, а вытекали — уже очищенными, обесцвеченными, растворившимися в десятках легальных активов. Никто не мог проследить всю цепочку до конца. Никто не мог связать имя хозяина особняка с нелегальными потоками. Он был безупречен. Безупречен настолько, что это само по себе казалось подозрительным.

Она изучила его биографию вдоль и поперёк. Лев Аркадьевич Вершинин, пятьдесят два года, потомственный предприниматель, меценат, коллекционер живописи, член попечительских советов трёх музеев и двух благотворительных фондов. Женат, двое детей, живут за границей. Публичных скандалов — ноль. Судебных исков — ноль. Даже штрафов за парковку — и тех нет. Идеальная репутация, как натёртый до блеска паркет в музее: ступить страшно, но если уж ступил — то след останется обязательно.

Алиса знала, что не должна была соглашаться. Это задание выходило за рамки её полномочий, нарушало протоколы, противоречило здравому смыслу. Но когда она впервые увидела в сводке расходов клуба строчку «пожертвование детскому приюту в размере пяти миллионов рублей» и одновременно с этим нашла в налоговой отчётности признаки вывода капитала через подставную строительную компанию, зарегистрированную на несуществующего человека, — что-то внутри неё щёлкнуло. Азарт. Холодный, расчётливый азарт, не имеющий ничего общего со страстью игрока. Скорее — с упрямством учёного, который наткнулся на аномалию и не может оставить её без объяснения.

Она сама инициировала проверку. Сама подала запрос. Сама, в обход начальства, вышла на контакт с одним из бывших членов клуба — человеком, который согласился говорить только на условиях полной анонимности. Он рассказал ей достаточно, чтобы понять: особняк — не просто место сбора богатых людей. Это был театр. Храм. Территория, на которой действовали другие законы, и деньги были лишь входным билетом. А за дверями, обшитыми дубовыми панелями, происходили вещи, о которых он говорил шёпотом, постоянно оглядываясь через плечо. И о которых Алиса не могла забыть, как ни старалась.

Она пересекла улицу, подошла к воротам. Чугунная решётка, стилизованная под старину, была приоткрыта ровно настолько, чтобы пропустить одного человека. Камера над козырьком медленно повернулась, фиксируя её лицо. Алиса не стала прятаться — наоборот, подняла голову, позволила объективу рассмотреть себя. Она знала, что находится под наблюдением с момента, как вышла из такси на соседней улице.

Парадная дверь открылась, прежде чем она успела нажать на кнопку звонка. На пороге стоял человек, которого Алиса приняла сначала за дворецкого — высокий, прямой, в тёмном костюме, с гладко выбритым лицом и безразличным взглядом профессионального слуги. Но что-то в его осанке, в том, как он держал руки — не перед собой, а вдоль тела, чуть согнутые в локтях, — говорило о другой профессии.

— Алиса Сергеевна Прохорова? — произнёс он, не здороваясь.

— Да, — ответила она, — меня пригласил Лев Аркадьевич.

— Вас ждут. Прошу следовать за мной.

Она шагнула внутрь, и дверь за её спиной закрылась с мягким, вязким звуком, будто дом проглотил её и сомкнул челюсти.

Холл был огромен. Высоченный потолок терялся в полумраке, несмотря на массивную люстру, свисающую из него на длинной цепи. Света она давала немного — ровно столько, чтобы различить очертания, но не детали. Пол из мраморной плитки, чёрно-белой, выложенной в шахматном порядке, как в старинных европейских замках. Стены, обтянутые тёмным шёлком. Картины в тяжёлых рамах — портреты каких-то неизвестных Алисе людей с надменными лицами и тусклыми глазами.

Мужчина вёл её через анфиладу комнат, не оборачиваясь, не предлагая раздеться. Алиса сняла пальто сама, повесила на сгиб локтя, потом перекинула через плечо, чувствуя, как прохладный воздух касается разгорячённой кожи. Она надела под низ тёмно-серое платье-футляр с закрытым воротом — слишком строгое, слишком официальное для этого места, но именно эта строгость была её бронёй.

Они прошли библиотеку — стены книжных полок, уходящих вверх на три этажа, лестницы с резными перилами, массивные столы с зелёными лампами. Прошли гостиную — камин, кожаные кресла, низкий столик с шахматами, фигуры на доске замерли в позиции, которую Алиса не смогла расшифровать. Прошли столовую с длинным дубовым столом, накрытым на двенадцать персон, хотя вокруг не было ни души.

Её шаги гулко отдавались от пола. Дом звучал пусто и гулко, как заброшенный театр, в котором декорации остались, а актёры ушли. Но Алиса не верила этой пустоте. Она кожей

чувствовала присутствие — чьё-то дыхание за закрытыми дверями, чьи-то взгляды в щелях между книжными стеллажами, чьё-то безмолвное присутствие в затемнённых углах.

Наконец они остановились перед дверью с позолоченной ручкой в форме львиной лапы. Мужчина постучал два раза, выждал паузу, затем открыл дверь и посторонился.

— Проходите.

Алиса вошла.

Кабинет был относительно небольшим, если сравнивать с остальными помещениями особняка. Квадратная комната с высоким окном, задернутым тяжёлыми шторами, с тёмно-красным ковром на полу, с большим письменным столом у дальней стены. За столом, в кресле с высокой спинкой, сидел человек.

Он выглядел ровно так, как на фотографиях, которые Алиса изучала в своём кабинете долгими вечерами. Пятьдесят два года, но на вид — чуть за сорок. Гладкая кожа, аккуратная седина на висках, придающая ему не старческое, а аристократическое достоинство. Тёмные глаза, посаженные глубоко и широко, как у человека, который привык смотреть на мир с некоторого расстояния. Губы тонкие, но не сжатые — скорее тронутые лёгкой полуулыбкой, затаённой, как зверёк в траве.

Он был одет в тёмно-зелёный бархатный пиджак, белую рубашку без галстука, верхняя пуговица расстёгнута. На левой руке — перстень с тёмным камнем, слишком массивный для украшения, но сидевший на пальце так естественно, будто был его частью.

— Алиса Сергеевна, — произнёс он, не поднимаясь с места. Голос оказался ниже, чем она ожидала, с приятной хрипотцой, как у человека, который много курит дорогих сигар и редко повышает голос. — Присаживайтесь.

Он указал на кресло напротив стола — кожаное, с потёртыми подлокотниками, удобное на вид, но стоящее так, что свет от единственной лампы падал на сидящего в нём человека, оставляя хозяина кабинета в полутьме.

Алиса села. Пальто она так и держала в руках, не зная, куда его деть, и чувствуя от этого себя вдвойне уязвимой.

— Благодарю за приглашение, Лев Аркадьевич, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Признаться, оно стало для меня неожиданностью.

— В самом деле? — он улыбнулся уголком рта. — А мне казалось, вы давно ищете повода попасть в этот дом. И я решил пойти вам навстречу.

Он взял со стола стакан — тёмное стекло, янтарная жидкость на дне — и сделал маленький глоток, не отводя от Алисы взгляда.

— Вы удивлены. И стараетесь это скрыть. Это первое, что вас выдаёт.

Алиса заставила себя не отвести глаза.

— Я не знаю, о чём вы говорите. Я получила приглашение на благотворительный вечер вашего клуба. Насколько я понимаю, вы ищете нового аудитора для проверки финансовой отчётности.

— Именно так, — он поставил стакан, — именно так звучит официальная версия. И я не сомневаюсь, что именно её вы изложите в своём отчёте, если таковой случится. Но мы оба знаем, Алиса Сергеевна, что вы здесь не ради благотворительности.

Она промолчала. Тишина в кабинете сгустилась, стала почти осязаемой, как туман за окном. Тишина была союзницей в её профессии. Люди не выдерживали пауз и начинали говорить лишнее. Но этот человек, судя по всему, тоже знал этот приём.

— Вы работаете в консалтинговой компании «Горизонт» на должности ведущего аудитора, — продолжил он, не дождавшись ответа. — Восемь лет безупречной службы. Три повышения за последние пять лет. Вас называют самой талантливой в отделе, но при этом — самой неудобной. Вы отказываетесь закрывать глаза на несоответствия в отчётности. Вы срываете

сделки. Вы наживаете врагов. Ваш непосредственный начальник мечтает от вас избавиться, но не может, потому что за вас держится кто-то выше. И этот кто-то — не из вашей компании.

Он говорил спокойно, размеренно, как будто зачитывал хорошо отрепетированный доклад, но при этом каждое слово было нацелено точно, как пуля в мишень.

— И последние три месяца вы занимаетесь делом, которого в официальном реестре вашей компании не существует. Это ваша личная инициатива. Ваша собственная охота. Вы роетесь в финансовых хвостах, которые тянутся к этому дому. Вы пытаетесь найти то, что, как вам кажется, здесь спрятано. И вы верите, что это у вас получится.

Он замолчал. Взял стакан, снова сделал глоток.

— Я прав?

Алиса почувствовала, как внутри неё что-то натягивается, как тетива. Каждый её инстинкт кричал: отрицать, уходить, немедленно встать и выйти. Но вместо этого она откинулась на спинку кресла и сложила руки на коленях.

— Если предположить, что вы правы, то мой визит сюда — ошибка. Причём с моей стороны.

— А если предположить, что вы пришли сюда именно потому, что я прав? — он улыбнулся, и в этой улыбке не было ни тепла, ни холода. — Видите ли, Алиса Сергеевна, я знаю о вас всё. Ваша фамилия, ваша должность, ваш график работы, ваш бывший муж, ваша мать, живущая в Калуге, ваша привычка пить по утрам кофе с кардамоном и ваша неспособность пройти мимо несправедливости. Я знаю, что вы сняли ту квартиру на Фонтанке, потому что из её окна виден этот особняк. И я знаю, что вы приходили к воротам трижды за последнюю неделю. Первый раз — просто пройти мимо. Второй — сфотографировать камеры. Третий — сегодня.

Она ничего не ответила.

— Поэтому давайте отбросим условности, — он подался вперёд, положил локти на стол, и свет лампы выхватил из полумрака его лицо, — и поговорим как взрослые люди, которые понимают правила игры.

— Я не играю в игры, — сказала она.

— Играете, — сказал он. — Вы делаете это с того самого момента, как подали первый запрос о проверке. И вы проигрываете.

Он произнёс это не с угрозой, а с констатацией факта, как врач, сообщающий диагноз. Алиса заставила себя не отреагировать.

— Что вам нужно?

— Мне? — он поднял брови. — Мне нужно, чтобы талантливый человек, сидящий сейчас передо мной, перестал тратить своё время и мои нервы на пустую погоню. Мне нужно, чтобы вы либо ушли из этого дела, либо — вошли в него полностью. Потому что третьего пути нет.

— И что значит — войти полностью?

Он не ответил сразу. Встал. Прошёлся по кабинету — неторопливо, заложив руки за спину, как делают хозяева, обходящие свои владения. Остановился у окна, отдернул край шторы, посмотрел на дождь.

— Сегодня в клубе особый вечер, — сказал он, не оборачиваясь. — Собрание всех членов. Редкое событие, бывает не чаще двух-трёх раз в год. Я пригласил вас, потому что хочу, чтобы вы увидели всё своими глазами. Без посредников, без сплетен, без этих жалких рассказов бывшего члена, которого вы нашли и который, к слову, лжёт вам в половине сказанного.

Алиса напряглась. Он знал про источник. Знал всё.

— И что же я там увижу?

— Увидите клуб. Увидите людей. Увидите то, чем мы занимаемся, и, возможно, поймёте, что ваши подозрения — плод воображения, разогретого профессиональной паранойей.

— А если не пойму?

Он повернулся к ней. Свет из окна за его спиной очерчивал силуэт, делая его выше и темнее, чем он был на самом деле.

— Тогда мы заключим пари.

— Пари?

— Да. Простое и честное. Вы получите доступ ко всему, что пожелаете. Все документы, все помещения, все люди. Единственное условие — вы проводите свою проверку здесь, внутри, под моим наблюдением и с полным погружением. Если в течение месяца вы найдёте то, что ищете — реальные доказательства преступной деятельности, а не догадки и совпадения, — я дам показания против себя и всех, кто замешан. Я сдамся властям добровольно. Полностью и безоговорочно.

Он сделал паузу, давая ей осмыслить.

— Если же нет...

— Если же нет? — переспросила она, хотя уже знала, что услышит что-то, что ей не понравится.

— Если же нет, вы станете моей личной гостьей на один месяц. Игрушкой, если хотите. Вы будете исполнять любые желания, которые возникнут у меня и у членов клуба. Любые.

Он произнёс это буднично, как говорят о погоде. Алиса смотрела на него, пытаясь найти в его лице хотя бы тень шутки. Тени не было.

— Вы предлагаете мне продать себя в рабство в обмен на иллюзию доступа?

— Я предлагаю вам сделку, — поправил он. — Вам кажется, что вы охотитесь на нас. Но посмотрите на ситуацию трезво: вы одна. У вас нет поддержки сверху. Ваше начальство ничего не знает. Если вы исчезнете, никто не поднимет тревогу. Вы — маленький винтик в большой машине, возомнивший себя деталью двигателя. Я даю вам шанс доказать обратное. Или — отступить и жить спокойно. Выбор за вами.

Алиса почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Не от страха — от брезгливости. Он говорил об этом так, как говорят о переезде на другую квартиру или смене работы. Рабство, игрушка, желания — слова, которые в его устах звучали как термины из делового контракта.

— И что будет, если я сейчас встану и уйду?

— Ничего. Дверь открыта. Вы уйдёте, и мы больше не встретимся. Но в этом случае вы никогда не узнаете, правы вы были или нет. Вы будете жить с этим знанием — вернее, с его отсутствием — до конца своих дней.

Он снова сел за стол. Теперь его лицо было полностью освещено, и Алиса увидела то, чего не замечала раньше: лёгкий след усталости под глазами, едва заметную дрожь в уголке рта. Человеческое. Слишком человеческое для монстра, каким он ей представлялся.

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете, — сказал он мягче. — Отвращение. Гнев. Страх, который вы пытаетесь превратить в презрение. Это нормально. Но подумайте вот о чём: я не заставляю вас. Я предлагаю. Вы можете отказаться. Многие отказывались.

— И что с ними стало?

— Они ушли. — Он пожал плечами. — Живут своей жизнью. Некоторые до сих пор работают в вашей сфере.

— А те, кто согласился?

Он улыбнулся — теперь уже откровенно, обнажив ровный ряд зубов.

— А вот этого я вам не скажу. По крайней мере, пока.

Алиса откинулась на спинку. Мысли метались, как птицы в клетке. С одной стороны, всё, чему её учили, всё, во что она верила, кричало: беги. Беги из этого дома, из этого города, стирай файлы, меняй телефон. С другой — там, в глубине, под слоями профессиональной осторожности, под толщей здравого смысла, билось что-то иное. Азарт. Тот самый, о котором она думала, подходя к воротам. И ещё — уязвлённая гордость. Он бросил ей вызов. Он поставил

её в позицию загнанного зверя, но оставил лазейку. И эта лазейка была так соблазнительно широка, что не войти в неё казалось трусостью.

— Вы даёте месяц, — произнесла она наконец. — Что именно вы имеете в виду под «полным доступом»?

— Именно то, что я сказал. Вы сможете просматривать любые документы, которые хранятся в этом здании. Вы сможете задавать вопросы любому члену клуба — при условии, что это не нарушает устав, о котором я вам расскажу, если вы согласитесь. Вы сможете жить здесь, если пожелаете. Или приезжать каждый день. Единственное ограничение — вы не сможете выносить отсюда документы. Только записи, сделанные собственной рукой, и только по памяти.

— И вы действительно думаете, что я поверю в возможность выиграть?

— Я думаю, вы умны. И этого достаточно.

Алиса смотрела на него, не мигая. Тишина в кабинете звенела, как натянутая струна. Она перебирала в уме варианты. Уйти — безопасно, но значит признать поражение. Остаться и играть по его правилам — опасно, но это единственный шанс добраться до правды. И ещё был третий вариант, о котором он не сказал, но который читался в его взгляде: остаться и проиграть. Стать частью этого дома, раствориться в нём, как сахар в горячем чае.

Но Алиса не умела растворяться.

— Хорошо, — произнесла она, и сама удивилась тому, как твёрдо это прозвучало. — Я согласна.

Он улыбнулся, но не так, как раньше. Теперь в этой улыбке было что-то похожее на уважение. Или на предвкушение.

— Замечательно. Тогда — добро пожаловать в клуб.

Он хлопнул в ладоши. Дверь за спиной Алисы открылась, и в кабинет вошёл тот же безмолвный человек, который провожал её сюда.

— Проводи нашу гостью в гардеробную. Подбери ей что-нибудь соответствующее вечеру. И покажи её комнату.

— Мою комнату?

— Разумеется. Сегодняшний вечер будет долгим. Не думаю, что вам захочется возвращаться через весь город под дождём. К тому же — пари начинается с этой минуты. А значит, вы теперь — часть этого дома, хотите вы того или нет.

Он поднялся, обошёл стол, подошёл к ней вплотную. Алиса почувствовала запах его парфюма — тёмный, с нотами дыма и кожи. Он наклонился к её уху, но не коснулся.

— И ещё, Алиса Сергеевна. Прежде чем вы сделаете первый шаг в этот зал, подумайте о том, что обратной дороги не будет. Вы можете всё. Но не всё сможете забыть.

Он выпрямился, отступил.

— Увидимся внизу. Через час.

Она встала. Колени чуть дрожали, но она заставила себя выпрямиться, расправить плечи, поднять подбородок. Она встретила с ним взглядом и не отвела глаз.

— Я готова.

— Вот и славно, — сказал он.

И впервые за весь вечер в его голосе прозвучало нечто, похожее на интерес.

Мужчина, ожидавший у двери, снова повёл её по коридорам. На этот раз — в противоположную сторону, вглубь особняка. Алиса шла за ним, считая шаги, запоминая повороты, фиксируя в памяти каждую деталь. Она уже начала работать.

Они поднялись по лестнице на второй этаж, прошли длинным коридором с ковровой дорожкой, приглушавшей шаги, остановились перед дверью из светлого дерева. Внутри оказалась комната — небольшая, но уютная: широкая кровать с балдахином, трюмо с овальным зеркалом, кресло, платяной шкаф. Окно выходило во внутренний дворик, закрытый от посторонних глаз.

— В шкафу — несколько вариантов платьев, — сказал провожатый, не входя внутрь. — Выберите то, что посчитаете уместным. Туфли на нижней полке. Ванная комната — направо.

— Я не просила...

— Таковы правила, — перебил он. — В этом доме гости не ходят на вечера в том, в чём пришли с улицы. Если вам понадобится помощь — нажмите кнопку на стене.

Он закрыл дверь. Алиса осталась одна.

Она подошла к окну, посмотрела на дождь, на тёмные деревья внизу, на каменную ограду, отделявшую дворик от остального сада. Потом села на край кровати, закрыла лицо ладонями и несколько секунд сидела неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию. Сердце билось где-то в горле, но мысли, как ни странно, были ясными.

Она сделала шаг в ловушку. Добровольно. Осознанно.

Поднявшись, она подошла к шкафу, распахнула дверцы. На вешалках висели платья — тёмные, струящиеся, одно — глубокого чёрного, другое — винного, третье — тёмно-синего бархата с открытой спиной. Внизу — три пары туфель, все на высокой шпильке, все без задников. Как будто кто-то заранее подобрал размер.

Алиса сняла своё строгое платье, аккуратно повесила на спинку кресла. Потом долго стояла перед зеркалом, разглядывая собственное тело так, будто видела его впервые. Худые плечи, узкая талия, бледная кожа с едва заметными веснушками на груди. Она не была красавицей в классическом понимании, но что-то в её лице — резковатые скулы, тонкий нос, тёмные брови, изогнутые вопросительно — притягивало взгляд. Она знала это. И умела этим пользоваться.

Выбрав винное платье, она надела его, расправила складки, застегнула молнию на боку. Ткань холодила кожу. Туфли прилипли впору — как влитые.

Ванная комната оказалась отделана мрамором, с огромным зеркалом во всю стену и раковиной в форме раковины. Алиса ополоснула лицо холодной водой, поправила волосы, заколов их наверх, чтобы открыть шею. Нанесла минимум косметики — только тени и помаду, найденные в ящике. Помада была тёмная, почти чёрная в тюбике, но на губах превращалась в благородный винный оттенок.

Она посмотрела в зеркало. Оттуда на неё смотрела незнакомка: слишком ухоженная, слишком спокойная, слишком уверенная. Настоящая гостья этого дома. Настоящая охотница, спрятавшая когти.

Алиса улыбнулась отражению. Улыбка вышла кривоватой.

Ровно через час она спустилась на первый этаж.

Главный зал клуба располагался за массивной дверью, которую она не заметила при первом осмотре. Теперь эта дверь была распахнута, и из неё лился тёплый свет, слышалась приглушённая музыка, доносился негромкий гул голосов. Провожатый ждал её у подножия лестницы. Он окинул её взглядом, и Алисе показалось, что в его глазах мелькнуло одобрение.

— Прошу.

Она вошла.

Зал был огромен, но не подавлял. Высокий потолок с росписями в стиле старых мастеров, стены, обитые тёмным деревом, камин в дальнем конце, в котором горел настоящий огонь. Люди — их было не больше двадцати пяти человек — стояли и сидели небольшими группами, говорили негромко, но явно оживлённо. Мужчины во фраках и смокингах, женщины в вечерних платьях, с обнажёнными плечами и драгоценностями, блестящими в свете сотен свечей.

Алиса огляделась. Лиц она не знала — во всяком случае, здесь не было ни одного человека, которого она могла бы назвать по имени. Но она узнала породу. Те самые старые деньги, о которых говорил её источник, — люди, чьи фамилии не появляются в рейтингах богатейших, но чьи решения двигают этими рейтингами.

На неё смотрели. Оценивали. Перешёпывались.

Алиса прошла вглубь зала, взяла с подноса проходящего официанта бокал шампанского, сделала маленький глоток. Пузырьки лопались на языке. Она искала его глазами — хозяина. И нашла.

Лев Аркадьевич стоял в дальней части зала, у камина, беседуя с пожилым седым господином и молодой женщиной в алом платье. Он был выше их, шире в плечах, и даже на расстоянии чувствовалась исходящая от него спокойная сила. Когда он повернул голову и встретился с Алисой взглядом, она снова испытала то же ощущение, что и в кабинете, — будто между ними натянулась невидимая нить, натянулась и задрожала.

Он слегка приподнял бокал. Алиса ответила едва заметным кивком.

Но в этот момент её внимание привлекло кое-что другое.

В углу зала, за колонной, стоял человек. Он был одет так же, как официанты, но держался иначе — не суетливо, а как-то слишком прямо, слишком напряжённо. Его лицо было обращено к залу, но взгляд — пуст, направлен в никуда. На шее у него был тонкий кожаный ошейник, почти незаметный под воротником рубашки, но Алиса заметила. И ещё она заметила, что его запястья стянуты ремешками, а на тыльной стороне левой ладони — татуировка: изогнутая линия, похожая на след от кнута.

Он был не официантом.

Он был одним из тех, кого источник называл «теньями» — людей, находящихся в услужении клуба. Он был рабом.

И, как ни странно, именно в этот момент, глядя на него, Алиса впервые осознала всю серьёзность сделанного шага.

Она быстро отвела взгляд, вернула его к бокалу. Сделала ещё глоток. Шампанское больше не казалось таким вкусным.

— Алиса Сергеевна, — раздался рядом знакомый голос. Лев Аркадьевич подошёл бесшумно, как кошка. — Позвольте представить вам некоторых наших гостей.

— Разумеется, — ответила она, поворачиваясь к нему с улыбкой, в которую вложила всё своё самообладание.

— Вы прекрасно выглядите, — произнёс он, скользнув взглядом по её платью, но без тени похоти — скорее, как оценивают картину, висящую на стене.

— Благодарю.

— Пройдёмте.

Он взял её под локоть. Его пальцы были сухими и тёплыми. Алиса заставила себя не отстраниться.

Они двинулись через зал, и Алиса чувствовала на себе десятки взглядов. Хозяин представлял её — каждому, по очереди, с той безупречной вежливостью, которая не оставляла сомнений в его положении. Она пожимала руки, улыбалась, запоминала имена и лица, но всё это происходило как в тумане. Её мысли были заняты другим: тем человеком у колонны, который теперь смотрел на неё, и в его пустом взгляде она, кажется, уловила что-то живое. Что-то похожее на предупреждение.

«Ты здесь не выживешь», — говорил этот взгляд.

«Посмотрим», — ответила она ему мысленно.

И улыбнулась очередному незнакомцу, чьё имя не собиралась запоминать.

Глава 2. Гости и тени

Вечер вступал в ту фазу, когда разговоры перестают быть предварительными, а лица — непроницаемыми. Гости клуба, разбившись на пары и небольшие группы, перемещались по залу с той медлительной, вязкой грацией, какая свойственна людям, привыкшим заполнять собой пространство. Свечи на высоких канделябрах догорали, и их пламя бросало на стены дрожащие, причудливые тени. Казалось, сам воздух здесь был пропитан чем-то опьяняющим: не дымом, не алкоголем, а некой густой, пряной взвесью тайны, оседающей на языке, как незнакомый дорогой соус, который пробуешь впервые и не можешь понять, нравится ли он тебе.

Алиса шла под руку с Вершининым, и каждый шаг давался ей с усилием, словно ноги ступали не по наборному паркету, а по вязкой глине. На ней было винное платье, чужое, облегающее, как вторая кожа, и туфли на шпильке, которые уже начинали натирать пятки. Но она запретила себе думать о неудобстве. Боль — тоже информация. Если научиться её раскладывать, как бухгалтерскую проводку, она перестаёт быть болью и становится просто данностью.

Вершинин представлял её с той же безупречной любезностью, с какой показывал бы коллекционерам новое приобретение. Имена, должности, регалии сыпались мимо её ушей, не задерживаясь в памяти. Алиса машинально пожимала руки, улыбалась краешком губ, кивала, впитывая не слова, а жесты. Вот эта женщина с бриллиантовым колье поправляет рукой причёску слишком часто — нервничает. Вот тот пожилой господин с тростью из чёрного дерева сжимает набалдашник так, будто готов в любой момент ударить — скрытая агрессия. А вон тот молодой человек с бледным, почти восковым лицом и чёрными, зализанными назад волосами смотрит на Алису с откровенной, оценивающей прямоотой, как на породистую лошадь на аукционе. Его звали, кажется, Ильёй. Фамилия ускользнула.

— Алиса Сергеевна, — произнёс молодой человек, задерживая её руку в своей, и его ладонь оказалась холодной, словно он только что держал лёд. — Вы не похожи на аудитора.

— А на кого я похожа? — спросила она, не вырывая руки, но и не отвечая на его прикосновение.

— На того, кто пришёл сюда искать не цифры, а приключения.

— Разве это не одно и то же, когда речь идёт о больших деньгах?

Он рассмеялся, негромко, сухо, как будто закашлялся. Вершинин стоял рядом, не вмешиваясь, но Алиса кожей ощущала его присутствие за своим правым плечом — молчаливое, тяжёлое, как каменная глыба.

— Смотрите не увлекитесь, — сказал Илья, наклонившись к ней чуть ближе, чем допускали приличия. — Здесь это дорого стоит.

— Благодарю за заботу. Я умею считать.

Она мягко высвободила руку и, не прощаясь, двинулась дальше. Вершинин последовал за ней, и в его молчании ей почудилось одобрение.

Они обошли зал по периметру. Алиса заметила ещё нескольких человек, явно не принадлежащих к высшему кругу: мужчина с ошейником у колонны, женщина в строгом чёрном платье, стоявшая у бара с подносом, юноша, который замер у камина, не смея поднять глаз. Их объединяло одно: они были невидимы для гостей, но при этом всегда находились в пределах досягаемости. Мебель с человеческими лицами. Алиса поймала себя на том, что не может отвести взгляд от женщины у бара. У неё были усталые, опущенные плечи, но спина прямая, и запястья, как у того мужчины, перетянуты тонкими ремешками.

— Их называют тенями, — сказал Вершинин, заметив её взгляд. В его голосе не было ни смущения, ни гордости, ни попытки оправдаться. Просто констатация. — Добровольцы. Каждый из них подписал контракт.

— Добровольцы? — переспросила Алиса, стараясь, чтобы её голос прозвучал ровно.

— Свободная воля — краеугольный камень нашего клуба, — он чуть склонил голову.
— Вы удивитесь, сколько людей добровольно отказываются от свободы, когда понимают, что не знают, что с ней делать.

— И что же они получают взамен?

— Убежище. Защиту. Освобождение от необходимости выбирать. Для некоторых это ценнее денег.

— Вы говорите так, будто это курорт.

— Возможно, для кого-то так и есть.

Алиса промолчала. Внутри неё закипала холодная, концентрированная ярость, похожая на ту, что она испытывала в детстве, когда видела, как соседский мальчишка мучает бездомного котёнка. Тогда она подошла и ударила его в лицо, не раздумывая. Сейчас ударить было нельзя. Сейчас нужно было слушать, запоминать, анализировать.

— Вы осуждаете, — произнёс Вершинин. Это не было вопросом.

— Я не нанималась в судьи, — ответила она, взяв с подноса проходящего мимо официанта новый бокал шампанского, хотя первый так и не допила. — Меня интересуют деньги.

— Лжёте, — улыбнулся он. — Но красиво. Продолжайте.

Он отошёл, оставив её одну посреди зала. Алиса перевела дыхание, сделала глоток. Пузырьки обожгли нёбо. Она огляделась по сторонам, пытаясь восстановить в памяти планировку дома: где вход, где выходы, где окна. Профессиональная привычка. Каждая деталь — как строка в балансовом отчёте. Нельзя упустить ничего.

Но внимание её вновь притянул тот человек у колонны. Он уже не смотрел в пустоту. Теперь он смотрел на неё. Прямо, не мигая. И в его взгляде читалось странное, почти неуловимое выражение — как будто он пытался что-то сказать без слов.

Алиса сделала вид, что рассматривает картину на стене, и вполоборота понаблюдала за ним. Лет тридцати, может, чуть меньше. Тёмные волосы, коротко стриженные, но не по-армейски. Черты лица тонкие, правильные, с той аскетичной жёсткостью, какая бывает у людей, прошедших через боль. Плечи широкие, но корпус напряжён, как у струны, готовой лопнуть. Он стоял, опустив руки, и ремешки на запястьях были натянуты туго, врезаясь в кожу.

Она не должна была этого делать. Но что-то заставило её повернуться и посмотреть ему прямо в глаза.

Мир на мгновение замер. Звуки зала отдалились, свет притух. Остался только этот взгляд — тёмный, глубокий, полный такого отчаянного, сдавленного понимания, что у Алисы перехватило дыхание. Он смотрел на неё так, как смотрят на человека, которого видел раньше. Не здесь. Не в этом зале. Где-то там, в другой жизни, которую она не помнила.

Она первая отвела глаза. Сердце билось в груди гулко, как набат. Пальцы сжали ножку бокала слишком сильно, и та треснула с едва слышным хрустом. Алиса опустила бокал на поднос, извинилась перед официантом, а когда снова посмотрела в угол, человека уже не было.

Исчез. Растворился в полумраке, как тень, которой он и был.

— У вас кровь, — раздался рядом спокойный женский голос.

Алиса вздрогнула, обернулась. Перед ней стояла женщина лет пятидесяти, с пепельными волосами, собранными в высокий пучок, в тёмно-синем закрытом платье, отделанном по вороту мелким жемчугом. Лицо её было бледным, тонким, с сетью едва заметных морщин вокруг глаз, но осанка — безупречной, как у бывшей балерины.

— Кровь? — не поняла Алиса.

— На ладони. Вы разбили бокал.

Алиса опустила взгляд. На указательном пальце правой руки действительно алела тонкая полоска. Она и не заметила, как порезалась.

— Пустяки, — сказала она.

— Здесь нет пустяков, — возразила женщина, и в её тоне не было ни тепла, ни холода, только усталое знание. — Любая рана в этом доме — повод. Идёмте.

Она взяла Алису под локоть — мягко, но настойчиво, — и повела в сторону боковой двери, замаскированной под стенной шкаф. Алиса подчинилась, не совсем понимая, почему не сопротивляется. Возможно, потому, что в этой женщине было что-то, внушающее не страх, а странное, почти забытое чувство безопасности. Так пахнут мамины руки. Так звучит голос человека, который не желает тебе зла.

За дверью оказался узкий коридор, ведущий в небольшую комнату, обставленную как будуар: кушетка, трюмо с зеркалом, умывальник с фарфоровой раковиной. Женщина закрыла дверь, повернула ключ и, не спрашивая разрешения, взяла руку Алисы, осмотрела порез.

— Нужно промыть.

Она включила воду, подставила ладонь Алисы под струю. Вода оказалась ледяной, и Алиса вздрогнула, но не отстранилась. Женщина достала из шкафчика пузырёк с тёмной жидкостью, смочила ватный диск, приложила к ранке. Запахло спиртом и ещё чем-то, похожим на полынь.

— Вы — новая гостья, — произнесла она, не глядя на Алису. — И вы не похожи на остальных.

— Кто вы? — спросила Алиса.

— Меня зовут Кира Александровна. Я здесь — не гостья и не тень. Нечто среднее. Домоправительница. Куратор. Наблюдатель. Называйте, как удобнее.

— И что вы наблюдаете?

— Всё. Всех. Каждого, кто входит в этот дом.

Она закончила обрабатывать ранку, взяла тонкий бинт, обмотала палец. Движения её были быстрыми, точными, как у хирурга.

— Вы сразу поймёте, кому здесь можно верить, а кому нет. Но я дам вам один совет, не потому что хочу помочь, а потому что он экономит время. Не ищите здесь друзей. Здесь их нет.

— Я и не ищу.

— Тогда вы умнее большинства, — Кира Александровна подняла на неё глаза, и в них мелькнуло нечто, отдалённо похожее на уважение. — Но ищите того, кто не пытается казаться тем, кем не является.

Она повернулась к двери, отперла её.

— Вечер окончится после полуночи. Ваша комната — на втором этаже, третья дверь слева. Не спускайтесь в подвал. Ни при каких условиях.

— Почему?

— Потому что это правило. А правила в этом доме — единственное, что стоит между жизнью и тем, что за ней следует.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой. Алиса постояла несколько секунд, глядя на своё отражение в зеркале. На бледном лице, в свете тусклой лампы, она казалась себе старше своих тридцати четырёх. Или это не свет виноват.

Она вернулась в зал.

Гости не заметили её отсутствия. Вечер продолжался: музыка стала тише, разговоры — откровеннее. Алиса прошла к камину, остановилась у огня, протянула к нему руки. Тепло медленно растекалось по коже, отгоняя холод, поселившийся где-то под ключицами.

К ней снова подошёл Илья. В руках у него был бокал с тёмной жидкостью, которую он не пил, а скорее держал как реквизит.

— Скучаете?

— Наблюдаю.

— И как? Насмотрелись?

— Пока нет. Слишком много деталей.

— Детали — это то, что здесь имеет значение, — он встал рядом, слишком близко, так что их плечи почти соприкасались. — Вот, например, деталь: вы единственная женщина в этом зале, которая не носит драгоценностей. Кроме, пожалуй, этой царапины на пальце.

— Возможно, я не люблю блестящее.

— Это ошибка. Блестящее отвлекает внимание от главного. От того, что внутри.

Он посмотрел на неё в упор, и в его глазах, тёмных, почти чёрных, Алиса прочла не столько похоть, сколько любопытство. Холодное, безжалостное любопытство учёного, изучающего редкий вид.

— И что у меня внутри? — спросила она, не отводя взгляда.

— Не знаю. Но хотел бы выяснить. Медленно.

— Для этого вам придётся сначала получить доступ.

Он рассмеялся, отпил из бокала. Смех у него был неприятный, дребезжащий, как будто внутри его горла что-то задевало.

— Доступ, — повторил он, растягивая слово. — Знаете, что самое забавное? У нас здесь всё решается через пари. Вы уже это поняли?

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Самое прямое. Лев Аркадьевич заключил с вами пари. Это известно всем. И это значит, что до тех пор, пока пари не завершено, вы под его защитой. Никто не посмеет вас тронуть. Это было бы нарушением протокола.

— А после?

Он пожал плечами.

— После — вы либо сдадите его властям, либо станете нашей. Второе, конечно, предпочтительнее. Для нас.

Алиса ощутила, как внутри всё сжалось. Но лицо осталось спокойным, как вода в заводи.

— Вы говорите это с такой уверенностью, будто уже всё решили.

— А вы сомневаетесь?

— Я не сомневаюсь. Я считаю. И вы, Илья, по всем моим расчётам, — мелкая цифра в чужом балансе.

Она увидела, как дрогнули его ноздри, как пальцы сильнее стиснули бокал. Попала. В самую точку. Он был из тех, кто не прощает унижения, особенно публичного.

— Остро, — процедил он. — Но помните: острые предметы в этом доме имеют обыкновение ранить того, кто их держит.

— Учту.

Он хотел сказать что-то ещё, но в этот момент к ним подошёл Вершинин, и Илья мгновенно сник, как растение без воды. Хозяин дома положил руку ему на плечо — не тяжело, но ощутимо.

— Илья, не утомляй нашу гостью. У неё впереди долгий месяц.

— Да, Лев Аркадьевич. Разумеется.

Илья отошёл, не прощаясь, растворился среди гостей. Вершинин проводил его взглядом, потом посмотрел на Алису.

— Вы быстро учитесь.

— А вы быстро появляетесь, когда нужно вмешаться.

— Это моя работа.

— Вмешиваться?

— Следить за тем, чтобы игра шла по правилам.

Он протянул ей руку. Алиса после короткой паузы вложила в неё свою.

— Пройдёмте. Я покажу вам то, ради чего сюда приходят.

Он повёл её через зал, мимо гостей, к дальней стене, где между двух шпалер скрывалась ещё одна дверь, которую Алиса тоже не заметила раньше. Дом был полон дверей, как большая шкатулка с двойным дном. Вершинин достал из кармана ключ, вставил в замочную скважину, дважды повернул. Дверь открылась бесшумно.

За ней оказалась узкая каменная лестница, уходящая вниз. Стены её были выложены диким камнем, пахло сыростью и воском. Через каждые несколько шагов в нишах горели свечи в стеклянных колбах, отбрасывая на ступени дрожащие оранжевые блики.

— Я думала, в подвал нельзя, — произнесла Алиса, замедлив шаг.

— Нельзя без сопровождения, — уточнил Вершинин, не оборачиваясь. — Со мной — можно.

Они спускались долго. Воздух становился прохладнее, запах — гуще, с примесью дыма и ещё чего-то, что Алиса не могла распознать. Ей показалось, что она слышит глухие, ритмичные удары, доносящиеся откуда-то снизу, но, когда она прислушалась, звук пропал.

Наконец лестница кончилась. Они вышли в длинный коридор, устланный тёмно-красным ковром. По обе стороны — двери, массивные, дубовые, с медными табличками. На табличках не было имён, только символы: роза, лев, змея, луна, дева с завязанными глазами. Алиса попыталась запомнить их порядок, но сбилась уже после третьей.

Вершинин остановился перед дверью с изображением весов, повернул ручку.

Внутри было светло. Несмотря на то что комната находилась под землёй, свет здесь был ярким, ровным, льющимся из невидимых источников. У дальней стены стоял длинный стол, накрытый белой скатертью. Вокруг — стулья с высокими спинками. Вдоль стен — стеклянные шкафы, заполненные документами, папками, картотеками. Воздух пропитан запахом старой бумаги и дорогой кожи.

— Библиотека клуба, — сказал Вершинин, обводя комнату жестом. — Точнее, её финансовая часть. Хотя есть и другие.

— Вы хотите сказать, что я могу здесь работать?

— Я хочу сказать, что я показываю вам то, что вы так долго искали. Подлинники отчётности за последние пятнадцать лет. Реестры. Договоры. Протоколы собраний. Всё, что вы пожелаете. Пока — под моим наблюдением.

Алиса подошла к одному из шкафов, провела пальцем по корешку папки. Пальцы дрожали, но она надеялась, что он не заметит. Пятнадцать лет. Если здесь действительно всё, что он обещает, то это — золотое дно. Источник, способный потопить не только его, но и половину деловой элиты города.

— Зачем вам это?

— Я же сказал: пари. Честная игра. Вы хотите найти компромат — вот он, весь, в этих шкафах. Ищите.

— А если я найду?

— Я сдаюсь. Помните? Моё слово твёрже камня, из которого сложен этот дом.

Алиса повернулась к нему. Он стоял в дверях, скрестив руки на груди, и смотрел на неё с тем же спокойным, изучающим вниманием.

— И вы не боитесь, что я смогу?

— Я не боюсь ничего, что в моих силах понять. А вас я понял.

— И что же вы поняли?

— Вы — человек системы. Вы мыслите отчётами, схемами, проводками. Но финансы — это только верхний слой. Глубина — в людях. В их слабостях, страстях, грехах. Чтобы победить меня, вам придётся спуститься туда, где вы ещё никогда не были. И я не уверен, что вы готовы к тому, что там увидите.

Он шагнул к ней. Расстояние между ними сократилось до полушага.

— Но я готов пойти на этот риск. Потому что, если вы всё-таки окажетесь сильнее, чем я предполагаю, это будет... любопытно.

Он был так близко, что Алиса чувствовала его дыхание — ровное, тёплое, отдающее табаком и мятой. Она не отступила.

— Вы играете со мной, — сказала она.

— Нет. Я играю в вас. Разница огромна.

Он повернулся и вышел, оставив её одну в подземной библиотеке. Дверь за ним закрылась, но не заперлась. Алиса постояла несколько секунд, прислушиваясь к удаляющимся шагам, потом медленно подошла к ближайшему шкафу и вытащила первую папку.

Пальцы листали документы автоматически, а мысли блуждали далеко. Где-то над ней, наверху, в ярко освещённом зале, среди гостей и музыки, остался тот человек с пустым взглядом и кожаным ошейником. И где-то под её грудью, там, где по всем анатомическим картам не должно быть ничего, кроме сердца и лёгких, зарождалось странное, необъяснимое чувство. Будто её жизнь только что пересеклась с чужой — и эта точка пересечения уже начала пульсировать, как порез на пальце.

Она не знала тогда, что это чувство было началом конца. Или началом чего-то большего.

Прошло около часа. Алиса сидела за столом, обложившись папками, исписывая блокнот мелким, убористым почерком, который выработала за годы работы с цифрами. Поддельные счета, двойная бухгалтерия, оффшорные цепочки — всё это постепенно вырисовывалось из бумаг, как картинка на проявляющемся снимке. Но картинка была слишком гладкой. Слишком правильной. Все несоответствия оказывались на поверку техническими ошибками, все сомнительные операции — списанными на благотворительные проекты. Отчётность была безупречной. Слишком безупречной для того, чтобы быть настоящей.

Она откинулась на спинку стула, потёрла глаза. Усталость наваливалась, как мокрое одеяло. В голове шумело.

Внезапно она услышала шорох. Тихий, едва различимый, доносящийся из глубины комнаты, от дальних шкафов. Алиса замерла, прислушалась. Шорох повторился. Затем раздался лёгкий скрип, как будто кто-то сдвинул с места одну из полок.

Она медленно встала. Сердце снова ускорило ритм, но страх не парализовал её, а наоборот — обострил все чувства. Она двинулась в сторону звука, ступая мягко, как кошка по ковру.

За последним рядом шкафов оказалась ещё одна дверь, узкая, замаскированная под панель. Она была приоткрыта. Из щели лился слабый свет.

Алиса замерла у косяка, выглянула.

За дверью была маленькая комната, похожая на келью: каменные стены, узкая кровать, стол с горящей свечой. На столе — стопка книг, бумаги. А на кровати, поджав ноги, сидел человек.

Тот самый.

Он поднял голову, и их взгляды встретились.

Несколько секунд никто не произносил ни слова. Тишина была такой плотной, что, казалось, её можно резать ножом.

— Вам нельзя здесь находиться, — произнёс он наконец. Голос у него был низкий, хрипловатый, как у человека, который долго молчал.

— Мне многое нельзя, — ответила Алиса. — Но я здесь.

Он медленно поднялся. Движения его были плавными, но в них чувствовалась скованность — то ли от усталости, то ли от долгого пребывания в подчинении.

— Вы — та самая аудиторша, — сказал он, не спрашивая.

— А вы — та самая тень.

Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой.

— Уже нет. Меня зовут Марк.

— Алиса.

— Я знаю.

Она вошла в комнату, прикрыла за собой дверь, но не заперла. Остановилась в двух шагах от него.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что вы смотрите на меня так, как не смотрит никто в этом доме. Словно видите человека.

— А разве это не так?

Он помолчал, опустив взгляд на свои запястья. Ремешки врезались в кожу, оставляя тёмные борозды. Алиса заметила, что один из них был расстёгнут, второй — наполовину.

— Вы не задаёте правильных вопросов, — сказал он тихо. — Здесь нужно спрашивать иначе.

— И как же?

— Не «почему вы мне это говорите», а «почему вы ещё живы, если знаете то, что знаете». Алиса почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— И почему вы ещё живы?

— Потому что я полезен. Пока. Но мой срок истекает.

Он посмотрел ей прямо в глаза, и в этот раз она прочитала в его взгляде не пустоту, а отчаянную, тщательно скрываемую надежду.

— И я не знаю, сколько у меня осталось времени. Как и у вас.

Он сделал шаг к ней. Близко. Очень близко. Алиса не отстранилась.

— Они следят за каждым вашим шагом, — прошептал он, почти касаясь губами её уха.

— Не доверяйте никому. Даже тем, кто кажется безобидным. Особенно им.

— Включая вас?

Он отстранился, посмотрел на неё долгим взглядом.

— Включая меня. Я — часть этого места. Но я — не враг. Пока.

Издаലെка, с лестницы, донёлся звук шагов. Кто-то спускался. Марк мгновенно напрягся, отступил в тень.

— Идите, — произнёс он одними губами. — Не возвращайтесь сюда. Если найдёте что-то, что вас испугает, — уходите. Из дома. Из города. Из этой жизни.

Шаги приближались. Алиса выскользнула из кельи, бесшумно закрыла за собой дверь, скользнула к столу, на котором остались разложенные папки. Сердце колотилось где-то в горле.

Дверь в библиотеку открылась. Вошёл Вершинин.

— Вы всё ещё здесь, — произнёс он, и в его голосе прозвучало удовлетворение, смешанное с чем-то, похожим на разочарование. — Я думал, вы уже поднялись.

— Я увлеклась.

— Нашли что-нибудь интересное?

— Пока только вопросы.

— Это хороший знак. Значит, вы ищете.

Он подошёл к столу, склонился над бумагами, разложенными перед Алисой. Его пальцы, длинные, аристократичные, коснулись края папки.

— Время позднее. Гости расходятся. Вам стоит отдохнуть.

— Да, — согласилась она, собирая свои записи. — Пожалуй.

Она встала, направилась к выходу. Уже у двери обернулась.

— Лев Аркадьевич, а что находится за последними шкафами?

Он не дрогнул. Только уголок рта чуть поднялся.

— Там архив. Закрытые дела.

— Я могу увидеть?

— Со временем. Если заслужите.

Она кивнула и вышла.

Поднимаясь по каменной лестнице, Алиса слышала, как внизу, в подземной библиотеке, хлопнула дверь, и щёлкнул замок. Дважды. Он запер. Но не ту дверь, о которой спрашивала она. Ту, что вела в зал. Значит, не доверял. Значит, прятал.

Значит, она на верном пути.

Ночь в особняке дышала тишиной, как старый дом дышит сквозняками. Алиса лежала в отведённой ей комнате, уставившись в балдахин над кроватью, и перебирала в памяти детали прошедшего вечера, как чётки. Лица, имена, обрывки разговоров. И тот шёпот в подземной келье: «Не доверяйте никому».

Она не знала, кто такой Марк на самом деле. Тень, доброволец, раб, агент под прикрытием — всё это были лишь версии. Но одно она знала точно: в его глазах, тёмных, как колодезная вода, она увидела не только страх. Она увидела отражение собственного одиночества.

И впервые за долгие годы ей захотелось довериться кому-то.

Даже если этот кто-то был частью того мира, который она пришла уничтожить.

Глава 3. Утро после сделки

Первый утренний свет пробивался сквозь щель между шторами, как осторожный гость, не уверенный, что ему здесь рады. Алиса открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь сообразить, где находится. Потом память вернулась — тяжело, безжалостно, как возвращается боль в отсиженной ноге. Особняк. Клуб. Пари. Марк.

Она села на кровати. Тело ныло, словно она всю ночь бежала по пересечённой местности. Мышцы спины задеревенели, шея затекла, а на ладони под повязкой пульсировал порез от вчерашнего бокала. Но всё это — мелочи, недостойные внимания. Алиса привыкла к дискомфорту, как привыкают к плохой погоде или шумным соседям: смиряешься, приспосабливаешься, продолжаешь делать своё дело.

Она откинула одеяло, спустила ноги на пол. Паркет оказался холодным, и это прикосновение окончательно разбудило её. Оглядевшись, Алиса впервые рассмотрела комнату при дневном свете. Та выглядела иначе, чем ночью: менее таинственной, зато более уютной. Широкое окно с мелким переплётом выходило в небольшой внутренний дворик, замощённый камнем, с фонтаном в центре, из которого била тонкая струя воды. За стеной, увитой плющом, виднелись верхушки деревьев, подсвеченные ранним солнцем. Мирная, почти пасторальная картина. Если бы не знание о том, что находится под этим двориком, можно было бы представить себе загородный пансион, а не логово, где торгуют не только деньгами, но и человеческими судьбами.

Алиса встала, подошла к умывальнику, плеснула в лицо ледяной водой. Из зеркала на неё смотрела женщина с синяками под глазами, бледными губами и взглядом, в котором читалась смесь усталости и упрямства. Она не была красавицей в салонном смысле, но и хорошенькой назвать себя не могла. Слишком резкая. Слишком серьёзная. Слишком много острых углов в чертах лица. Но именно эти углы не раз помогали ей в работе: люди терялись, не понимая, с кем имеют дело, — с бухгалтером, следователем, а может, и с палачом.

Она умылась, переделась в своё вчерашнее платье, которое заботливо висело в шкафу, выглаженное и пахнущее свежестью. Кто-то пришёл ночью, забрал его, привёл в порядок и вернул. Алиса проверила карманы — пусто. Записи, которые она делала в библиотеке, исчезли. Она так и думала: в этом доме не стоило оставлять ничего ценного без присмотра.

Внизу, в столовой, уже накрывали завтрак. Длинный стол, за которым вчера горели свечи, теперь был освещён дневным светом и выглядел почти буднично. Белая скатерть, серебряные приборы, фарфоровые чашки с тонкими золотыми ободками. Аромат свежего кофе смешивался с запахом выпечки, и у Алисы предательски заурчало в животе. Она не ела со вчерашнего обеда, если не считать пары глотков шампанского.

За столом уже сидели двое: пожилой мужчина с седыми висками, который вчера разговаривал с Вершининым у камина, и молодая женщина с короткой стрижкой, в строгом костюме, которая больше походила на личного секретаря, чем на гостью. При появлении Алисы оба подняли головы, но приветствия были сдержанными: лёгкий кивок, взгляд, полный оценивающего любопытства, и снова — к своим тарелкам.

— Доброе утро, Алиса Сергеевна, — раздался голос от двери.

Она обернулась. Кира Александровна стояла на пороге, прямая, как линейка, в тёмно-сером платье с белым воротничком. В руках она держала небольшой поднос с чайником.

— Доброе, — ответила Алиса. — Вы рано встаёте.

— Этот дом просыпается раньше, чем его хозяева. Присаживайтесь.

Она указала на свободное место. Алиса послушно села, развернула салфетку, положила её на колени. Кира Александровна налила ей кофе, подвинула корзинку с круассанами. Дви-

жения её были отточенными, но без подобострастия — скорее, с достоинством человека, знающего цену каждому жесту.

— Как спалось? — спросила она.

— Лучше, чем ожидала.

— Это хорошо. Значит, дом принял вас.

— Дом не может принимать. Это метафора.

— В этом доме, — произнесла Кира Александровна, глядя Алисе прямо в глаза, — метафоры имеют свойство становиться реальностью. Запомните это.

Она отошла к буфету, начала что-то переставлять. Алиса сделала глоток кофе. Тот оказался крепким, с лёгкой горчинкой, и горячим настолько, что обжёг нёбо. Она не поморщилась. Боль снова стала информацией: здесь кофе варят так, как пьют его люди, привыкшие к острым ощущениям.

Мужчина напротив отложил салфетку, поднялся. Он был высок, худощав, с той породистой сухопаростью, какая бывает у отставных военных или дипломатов старой школы. Одет в тёмно-синий блейзер с гербовой пуговицей на рукаве. Подойдя к Алисе, он остановился, слегка наклонил голову.

— Мы не представлены. Вениамин Сергеевич Стрельников. Историк, архивист, хранитель библиотеки клуба.

Алиса встала, подала руку.

— Прохорова. Аудитор.

— Знаю, — он коротко улыбнулся. — Лев Аркадьевич вчера изволил представить вас в общих чертах. О деталях умолчал, но догадаться нетрудно.

— Каких деталях?

— О вашем пари, — произнёс он тихо, почти интимно, наклонившись к ней ближе, чем того требовала вежливость. — Все здесь знают. И всем любопытно, чем закончится эта... дуэль.

— Разве дуэль может закончиться по-другому, кроме как ранением одной из сторон?

— В том-то и прелесть, — он выпрямился, — что в этом доме ранение иногда означает инициацию. Посвящение. Переход на другой уровень.

Он поклонился, отступил.

— Буду рад видеть вас в библиотеке. У меня там много интересных... документов.

Он вышел, ступая мягко, как человек, привыкший передвигаться по кабинетам, где нельзя шуметь. Алиса проводила его взглядом. Вторая женщина, та, что в строгом костюме, даже не подняла глаз. Она методично резала тост на ровные квадратики, словно выполняла ритуал, требующий предельной концентрации.

— Это кто? — спросила Алиса, не поворачиваясь.

— Эвелина, — ответила Кира Александровна. — Личный секретарь Льва Аркадьевича. Немногословна. Но слышит всё. И запоминает.

Эвелина никак не отреагировала на эти слова. Только вилка в её руке на секунду замерла над тарелкой.

Завтрак проходил в тягучем молчании, нарушаемом только стуком приборов и шёпотом дождя, снова зарядившего за окнами. Алиса ела без аппетита, но старалась не показывать этого. Ей нужно было восстановить силы. Предстоящий день обещал быть долгим, и она не знала, когда удастся поесть в следующий раз.

Когда она допила кофе, в столовую вошёл Вершинин.

Он выглядел иначе, чем вчера: не в бархатном пиджаке, а в сером кашемировом свитере и тёмных брюках. Домашний. Расслабленный. И оттого ещё более опасный. Алиса подумала, что враг в халате страшнее врага во фраке: с него слетает налёт театральности, и остаётся суть. А суть эта, судя по всему, не требовала костюма.

— Доброе утро, — произнёс он, не обращаясь ни к кому конкретно, но глядя только на Алису. — Надеюсь, первый день под моей крышей не слишком нарушил ваш сон.

— Я спала как убитая, — ответила она, не сумев сдержать лёгкой иронии.

— Вот как. Любопытный выбор слов. Здесь некоторые действительно спят так, будто умерли. Впрочем, не будем о грустном.

Он подошёл к столу, налил себе кофе, но не сел. Стоял у окна, глядя на дождь, и Алиса невольно засмотрелась на его профиль: чёткий, как чеканка на старинной монете. Нет, он не был красив в привычном смысле. Слишком спокоен. Слишком самодостаточен. Но в этом покое таилась притягательная сила, от которой у людей слабели колени.

— Сегодня я покажу вам дом, — сказал он, не оборачиваясь. — Вчера вы видели лишь парадную его часть. Ту, что предназначена для глаз.

— А есть и та, что не предназначена?

— В таком доме, как этот, всегда есть задний двор. Подвалы, переходы, комнаты, о которых знают не все. Вы будете удивлены, сколько дверей может скрывать одна стена.

Он повернулся к ней, и в его тёмных глазах блеснул холодный огонёк.

— И сколько секретов — одна дверь.

Они вышли из столовой. Вершинин шёл впереди, Алиса — на полшага позади, стараясь запоминать маршрут. Коридор, поворот налево, небольшая галерея с портретами неизвестных ей людей, дверь, замаскированная под гобелен, лестница, ведущая вниз. На этот раз — не та, по которой они спускались вчера. Эта была уже, круче, и пахла не воском, а пылью и чем-то кисловатым, как в старых винных погребах.

— Куда мы идём? — спросила Алиса.

— В сердце дома, — ответил он, не оборачиваясь. — В место, где всё началось.

Лестница закончилась низким арочным проходом. Вершинин нашарил в темноте выключатель, щёлкнул. Под потолком загорелась цепочка тусклых лампочек, протянувшаяся вдоль коридора. Стены здесь были из грубого камня, местами покрытого плесенью. Пахло подвалом, сыростью, старой штукатуркой.

— Раньше здесь были винные погреба, — сказал он, шагая вперёд. — Потом — винный клуб. Потом — то, что вы видите сейчас.

Он остановился перед массивной дубовой дверью с коваными петлями. Достал ключ, отпер, толкнул. Внутри было темно и холодно. Вершинин вошёл первым, зажёл несколько канделябров, расставленных по периметру.

Перед Алисой открылась комната, похожая на зал заседаний тайного ордена. Круглый стол в центре, двенадцать кресел с высокими резными спинками. На стенах — тёмные гобелены с изображением сцен, которые она не сразу смогла разобрать: то ли пир, то ли жертвоприношение. А может, и то и другое одновременно. В углу — небольшой орган с пожелтевшими клавишами. С потолка свисала люстра в виде железного колеса, в которой горело больше десятка свечей.

— Здесь собирается совет клуба, — произнёс Вершинин, обходя зал по кругу. — Все важные решения принимаются только в этой комнате. Сделки, приёмы, исключения, наказания.

— Наказания? — переспросила Алиса.

— В любом сообществе рано или поздно возникает необходимость в дисциплине.

Он остановился у одного из гобеленов, поднял руку, и Алиса увидела, что за тканью скрывается ещё одна дверь, маленькая, почти незаметная.

— А это — то, о чём не говорят даже между собой.

Он отпер и эту дверь. За ней оказалась комната, совсем крошечная, без окон, с каменным полом и стенами, обшитыми войлоком. В центре стоял простой деревянный стул. На полу — следы, похожие на засохшие пятна. Алиса не стала присматриваться.

— Для чего это?

— Для тех, кто нарушает правила. Для тех, кто забывает, где находится. И для тех, кто думает, что может играть не по тем ставкам.

Он посмотрел на неё, и взгляд его был тяжёлым, давящим, как каменная плита.

— Вы ведь не думаете, что пари — это просто слова?

— Я ничего не думаю, — ответила она, не отводя глаз. — Я только начинаю понимать, куда попала.

— Вот и правильно. Понимание — первый шаг к смирению.

— А я не собираюсь смиряться.

— Знаю. Именно поэтому вы здесь. Если бы вы смирились, мне было бы скучно.

Он отошёл от двери, и Алиса заметила, что ключи в его руке были собраны в связку — множество ключей, от маленьких до больших, и каждый, вероятно, открывал свою дверь, свою тайну, своё наказание.

— Вы обещали доступ, — сказала она, когда они поднимались обратно. — Полный. Когда?

— Завтра. Сегодня — дом. Сегодня вы узнаете, как всё устроено. А завтра начнёте копать. Но сразу предупреждаю: копать придётся не только в бумагах.

— А в чём ещё?

— В людях. В их слабостях. В том, о чём они молчат за ужином и шепчут перед сном. Деньги — это только инструмент. Настоящие тайны хранятся не в сейфах, а в головах.

Они поднялись на первый этаж и остановились у окна, выходящего в сад. Дождь почти закончился, оставив на стёклах капли, похожие на слёзы. Вершинин стоял рядом, близко, но не касаясь, и Алиса снова чувствовала исходящую от него волну силы — спокойной, размеренной, как прилив.

— Вы очень хладнокровны, — произнёс он негромко. — Это редкое качество. Особенно для женщины вашей профессии.

— А какие качества вы ожидали?

— Истерику. Мольбу. Попытку сбежать. Что-нибудь в этом роде.

— Ошиблись адресом.

— Я понял. Тем интереснее будет.

Он повернулся и ушёл, не прощаясь, как делал и вчера. Алиса осталась стоять у окна, разглядывая мокрый сад. За деревьями, у каменной ограды, она заметила фигуру человека. Он стоял неподвижно, глядя в сторону дома. Свет из окна падал на его лицо, и Алиса узнала Марка.

Она не стала махать, не стала подавать знаков. Просто смотрела, как он разворачивается и уходит вглубь сада, исчезая за пеленой начинающегося тумана.

День тянулся медленно, как патока по стенке банки. Алиса посвятила его изучению дома. Она передвигалась по особняку с видом рассеянной гостьи, но на самом деле каждый её шаг был просчитан, каждый взгляд — направлен на запоминание. Где находятся камеры, куда выходят окна, какие двери заперты, а какие — лишь притворены. Лестницы, переходы, анфилады, тупики. Она мысленно составляла карту, как картограф, попавший на неизведанную территорию.

В одной из гостиных она наткнулась на Илью. Тот сидел в кресле с книгой, но, судя по позе, не читал, а ждал. Увидев Алису, он отложил книгу, улыбнулся своей неприятной, вязкой улыбкой.

— Прогуливаетесь?

— Осваиваюсь.

— Похвально. Только смотрите, не заблудитесь. В этом доме есть места, из которых не возвращаются.

— Я везде возвращаюсь.

— Самоуверенность, — он покачал головой, — первый признак жертвы.

— А как распознать хищника?

— Хищник не спрашивает. Он ждёт.

Он снова взял книгу, давая понять, что разговор окончен. Алиса прошла мимо, чувствуя его взгляд между лопаток, как прицел.

К вечеру она вернулась в свою комнату. Голова гудела от обилия впечатлений, ноги ныли от ходьбы, но внутренний стержень, как ни странно, держал её лучше, чем она ожидала. Она села на кровать, достала из ящика тумбочки блокнот, который оставила там ещё вчера, и начала записывать.

«Вениамин Сергеевич Стрельников — архивист. Интересуется инициациями. Склонен к театральности. Потенциальный источник, но опасный. Илья — фамилию выяснить. Агрессивен, уязвим, мстителен. Может служить индикатором: если с ним что-то случится, значит, я на правильном пути. Эвелина — секретарь. Безэмоциональна. Следит. Кира Александровна — куратор. Предупреждала о подвале. Скорее нейтральна, но не союзник. Марк — тень. Имя настоящее? Неизвестно. Связан с закрытой комнатой. Возможно, держит ключ. Или является ключом».

Она перечитала написанное, зачеркнула последнюю фразу, потом снова написала, но по-другому: «Марк — неизвестная переменная в уравнении, которое я пока не могу решить».

Затем она встала, подошла к окну, посмотрела на тёмный сад. Где-то там, среди деревьев и тумана, ходил человек, о котором она не могла перестать думать. Он был частью этого мира, но в его взгляде, обращённом на неё, не было ни страха, ни подобострастия, ни злобы. Только что-то иное. Что-то, от чего у неё внутри всё сжималось в тугой узел.

Она отогнала эти мысли. Сначала работа. Сначала — пари. Сначала — найти то, что он прячет.

Алиса закрыла блокнот, сунула его под подушку. Легла, не раздеваясь, уставилась в потолок. В доме было тихо, но тишина эта не была пустой. Она дышала, шевелилась, наблюдала.

Ночью Алиса проснулась от того, что кто-то скрёбся в дверь.

Она села, прислушалась. Звук повторился: тихий, настойчивый, как будто когтистое животное просилось внутрь. Алиса бесшумно поднялась, подошла к двери, прислушалась. С той стороны донёсся шёпот, едва различимый:

— Откройте.

Она узнала голос. Марк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.